

Японский бог

16+

Ольга Йокай

shibuy

Ольга Йокай
Японский бог

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Йокай О. Н.

Японский бог / О. Н. Йокай — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вторая мировая война в самом разгаре. По деревням японской глубинки ездит комиссия, отбирает талантливых учеников. Вот только для каких целей? Впрочем, Ичиро это не слишком заботит: он рад оказаться подальше от дома, ведь здесь он столкнулся с древним монстром. Но на чужбине, в оккупированной японскими войсками Маньчжурии, происходят вещи, по сравнению с которыми меркнут любые страшные легенды прошлого. Основано на реальных исторических событиях. Отряд 731 - специальное подразделение японских вооружённых сил, занимавшееся исследованиями в области биологического оружия во время второй мировой войны.

1.

Когда я был маленьким, то очень часто болел. Особенно плохо было зимой: изо дня в день мы ели один пустой рис. Нечем было топить. Не было лекарств, не было денег. И когда горячими красными жерновами на меня наваливалась очередная лихорадка, я лишь лежал под толстым стеганым одеялом и тихо стонал, не в силах пошевелиться. Мать уходила на поденную работу в господский дом, а за мной присматривала соседская старушка, бабушка Кайо.

Той долгой зимой изо дня в день шел снег, а на горные вершины ложились густые облака. Это было так страшно! Я натягивал одеяло по самую макушку, чтобы не видеть этой жуткой белизны без единого следа – мне казалось, что мир за стенами нашего жилища исчез, растворился в бесконечном мареве: кто-то стирает его черты, превращая в чистый лист, и скоро доберется до меня. И тогда я перестану существовать. Совсем...

И когда отчаяние достигало пика, издали вдруг доносился звонкий лай – это бабушка Кайо и ее пес Юки шли мне на помощь! С их появлением исчезнувший мир вновь появлялся и расцветал яркими красками: мокрый собачий нос тыкался мне в щеку, горячий язык торопливо вылизывал лицо, хвост стучал по полу... Бабушка садилась подле меня и горячей шершавой ладонью трогала лоб, поила горьким отваром. Вздыхала: «Ох горюшко...» А потом раскуривала фарфоровую трубочку и принималась рассказывать одну из своих замечательных историй. Она знала их тысячи! О ёкаях, лесных духах, богах и героях давно минувших дней.

И я ощущал их незримое присутствие: дуновением ветра на щеке, размытыми тенями в сумерках, скрипом потолочных балок существа давали знать о себе...

– Кайо-сан! Кто это воет в горах? Мне боязно!

– Это кицунэ, Ичиро-кун... это кицунэ... Лисы-оборотни. Им тоже голодно, вот и плачут.

– А откуда они взялись?

– В незапамятные времена ками Инари-сама спустился с небес на землю верхом на белой лисе и взял людей под защиту. А от той белой лисы повели свой род все кицунэ... и нет счета их проказам и хитростям. Берегись лисьего коварства, Ичиро-кун!

– А волки-оборотни есть?

– А то как же! – степенно кивала Кайо-сан. Юки тем временем уже давно посапывал у ее ног, свернувшись калачиком. – Оками они зовутся. Хранители наших лесов и гор, людям помощники. Случалось им и о пожарах упреждать, и заблудившихся в пургу выводить к селению...

– Выходит, они добрые? – я привстал было с постели, но голова закружилась, потемнело в глазах.

– Добрые, добрые... Лежи уж, болезный...

И я провалился в сон...

2.

Юки был странным псом. Весь белый, как снег – а голова чернее антрацитового угля. И только лукавые бусинки глаз поблескивали, да язык мотался розовой тряпкой, то и дело норовя кого-нибудь облизать. Черная голова, будто пришитая к туловищу другой собаки, однако же сидела крепко, то и дело вертелась из стороны в сторону, вынюхивала, чем бы поживиться, чего бы стянуть. Юки не старел. И если это и не бросалось никому в глаза, то лишь потому, что бабушка Кайо жила совсем уж на отшибе и редко показывалась в деревне. Мы с матерью были единственными, с кем она водила дружбу.

Селяне считали Кайо-сан блаженной, побаивались ее... Я же беззаветно любил и помогал по мере сил – чем мог. Еще семь зим минуло с той снежной поры. Я вытянулся и окреп; бабушка Кайо же напротив – словно вросла в землю. Сухонькая как былинка, сморщенная как печеное яблоко, она еле переставляла ноги, опираясь на трость. И только Юки, как ни в чем ни бывало, носился по горам, звонким лаем распугивал белок.

Вместе с ним мы охотились, собирали дикую хурму и хворост... И не было лучше проводника и друга... Единственное, что могло его напугать – гул низко идущих бомбардировщиков. Это бака-гайдзины летели бомбить японские города. Наша префектура – глушь, нищая провинция, не представлявшая для врага интереса: груженные смертью машины держали курс на юго-восток, но разве объяснишь это псу?! Юки запрокидывал черную морду к небу и выл... так страшно, что мороз продирали по коже, спазмами сжимало глотку. Мне хотелось зажать ладонями уши и бежать прочь, не разбирая дороги – лишь бы не слышать этих звуков...

Если морем мы уйдём,
Пусть поглотит море нас,
Если мы горой уйдём,
Пусть трава покрое нас.
О великий государь,
Мы умрём у ног твоих,
Не оглянемся назад.

«Уми Юкаба» по радио – траурный вестник: еще одно поражение понес императорский флот*.

– У молодых и пылких Ёкарэна
Семь пуговиц на форме
С цветками сакуры и якорями! – все чаще доносилось из идзакая** нестройное пение.
Молодежь драла луженые глотки. Еще один год мобилизовали – завтра им отправляться на фронт...

– ...Летят они к озеру Касумигаура

И вздымается огромное облако надежды! – по улицам маршировали ватаги босоногих мальчишек с самодельными знаменами и палками-ружьями наперевес. А у меня во рту стояла полынная горечь и мучительно ныло в груди, будто под ребра напихали горячих углей.

3.

Отдуваясь и пыхтя, я поставил у порога ведро с водой, скинул старые гэта. Начал было седзи задвигать – Юки протиснулся в щель и улегся за ширмой – не выгонишь.

– Присядь-ка, Ичиро-кун! – старая Кайо похлопала ладонью по истлевшей циновке. – Может и не свидимся больше, так хоть душу облегчу перед смертью.

– Что вы, что вы, Кайо-доно! Как можно такое говорить?! Вам еще жить да жить! – я опустил покорно рядом с ней, но в душе и сам понимал: мои заверения – пустое.

Голос Кайо в полутемной лачуге – как шелест листьев в осеннем лесу.

– Давненько это случилось... мне лишь шестнадцать весен тогда сравнялось. И хороша я была – как сакура в майскую пору. Сватался ко мне Сабуру, молодой гончар, а я на беду ответила ему согласиём...

– Отчего ж на беду?! – не выдержал я.

– Сын даймё*** прельстился моей красотой, – Кайо горько вздохнула; ее растрепанные волосы смутно белели в сумерках и я пытался – но никак не мог угадать под бороздами глубоких морщин черты юной красавицы, – Сабуру судили по подлогу и вскорости казнили, я же осталась одна. И тогда молодой господин и его друзья пришли в мой дом и делали со мной все, что хотели. Я же могла только плакать. А потом и слез не осталось... – она надолго замолкла. В тишине отчетливо стало слышно глухое ворчание, клокочущее в горле пса. Мне почудился зеленоватый отсвет за ширмой. Бабушка Кайо встрепенулась, стяхнула с себя оцепенение:

– До-олго лежала... вся в синяках и в крови. Косоде на мне изорвали – а оно ведь совсем новое было... – она всхлипнула, вытерла подолом слезящиеся глаза. – Впрочем, чего о тряпке жалеть, когда вся жизнь пошла под откос! Собралась все же с силами и поползла во двор. Если за человека некому отомстить – он творит себе инугами. Юки, щеночек мой, поначалу весь белый был – потому и прозвала его Снежком... ни единого черного пятнышка. Бедный... когда надо мной непотребства чинили – он на цепи сидел. Заходилась весь – а не мог меня защитить. Но все равно... сослужил верой и правдой в итоге. Закопала я его в землю живьем – аккуратно по шею и весь день пилила ему голову бамбуковой пилой – а он кричал... так кричал. Совсем как дитя малое! От боли плакал... Только мне во сто крат было больнее! И я довершила задуманное! И сказала ему: «Если у тебя есть душа, сделай так, как я хочу, и я буду поклоняться тебе, точно богу!». И тогда он воскрес... страшный и сильный собачий бог – и отомстил за меня! – дребезжащий голос старухи окреп. – Никто той ночью не выжил! Ни сын даймё... ни его приспешники. Люди говорили – одни кровавые ошметки остались от них... А я вот живу... Зачем только? Одна как перст... Видно, на роду мне написано так... – она умолкла, покачиваясь из стороны в сторону. Я же тихо поднялся и выскользнул на улицу, подхватил свои гэта – и опростетью бросился бежать не разбирая дороги – прочь! Лишь бы не слышать, не видеть того, что показало свой истинный лик из-за ширмы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.